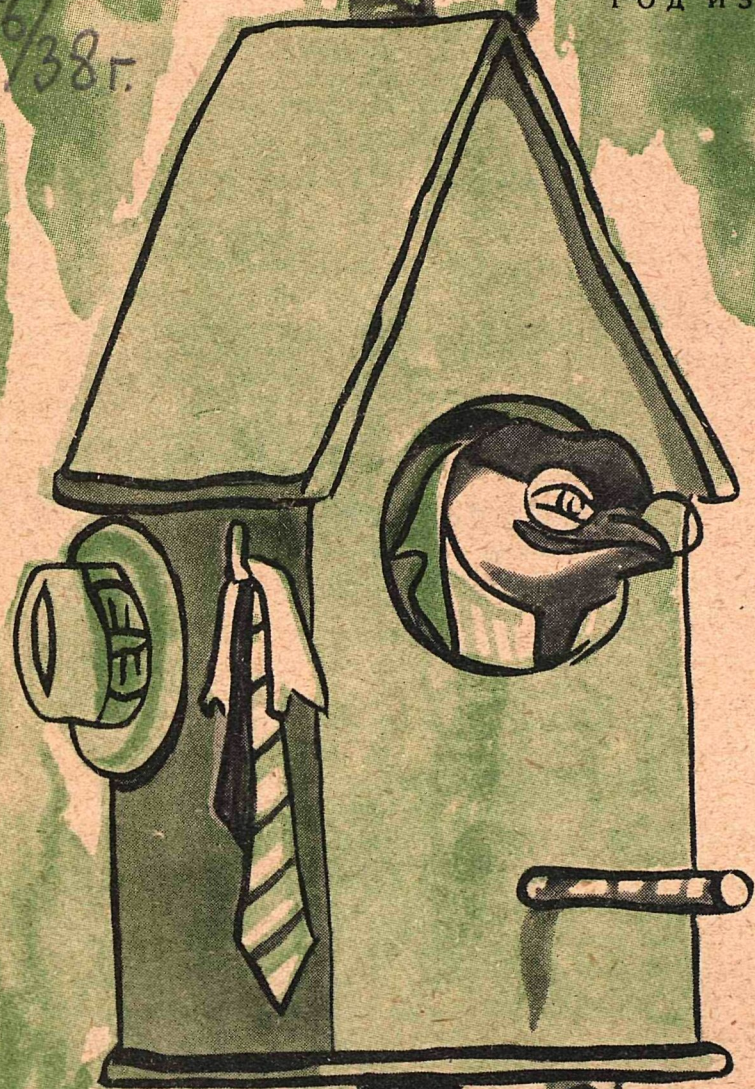

К Р О К О Д И Л

ГОД ИЗДАНИЯ XVII.

К 556/38г.

НАРСУД

СКВОРЕЦ: — Как вы посмели?! Это же моя жилплощадь!..
 Я в суд обращусь!
 ВОРОБЕЙ: — Пожалуйста!.. Пока суд разберет да пока пройдет апелляционный срок, — акурат лето и кончится.

Вопрос докладчику

Я закончил доклад. Подобного я не делал никогда в жизни. То была сборная селянка из повестей и впечатлений. Зимовщики хотели услышать все о Большой земле, я изо всех сил старался все рассказать. Но мы долго не понимали друг друга. Для них Большая земля была далекой, чудесно-сказочной страной, для меня, только что прилетевшего оттуда, — будничной, обыкновенной, с давкой в трамваях и дождем в январе. Я рассказывал им о важнейших событиях международной и внутренней жизни, но они без меня все это знали: слышали по радио.

Наконец, я понял, чего от меня хотят. Они ждали, что я принесу с собой аромат Большой земли: чудесный запах столицы, шумной, асфальтной, морозной; шелест автомобильных шин на гудроне; дрожание огня на мокром асфальте; неоновые солнца в ночном небе большого города; шум толпы; теплый запах московского дождя; смех карнавалов в парках культуры и отдыха; скрип коньков по льду катка; блеск витрин — все то, чего не услышишь, чего не увидишь по радио.

Я понял. Я повел их за собой в метро, которого они еще не видели. Я описывал эти мраморные дворцы словами старинных персидских сказок. Честное слово, я становился поэтом: они так чудесно слушали. Я распахнул настежь московские улицы, поднял мосты, воздвигнул здания. (— Вы не узнаете Охотного ряда. — Да, Охотный ряд! — тихо воскликнул кто-то.) Я вводил их в московские магазины, в запахи апельсина, аппетитных колбас, ароматного хлеба и розовой рыбы; мы вваливались в шумные московские кафе; мы погружались в изобилие богатейшей столицы. Они чудесно слушали — я становился фламандцем. (— Я забыл, как покупают, — засмеялся радист. — Я отвык от денег.)

Я рассказывал им, как живет Москва, как выглядят люди на улице, о чем поют, что говорят, я рассказал, как проходили сквозь Красную площадь физкультурники в июле, как праздновала Москва великий Октябрь.

— Вам пришлось видеть Сталина, да?

Они спрашивали о нем, как спрашивают об отце, о близком и дорогом человеке.

— А в кино? Что в кино?

Я сказал о картинах, которых они еще не знали. (— У нас в следующем году будет своя передвижка, — похвастался механик.)

— А в МХАТ? Что Качалов?

— Он здоров и хорош попрежнему.

— Как юн прекрасен в «Воскресеньи», — вздохнул гидролог.

— А «У врат царства»! — подхватил, повар не успевший снять колпака.

— Простите, — смущаясь, обратился ко мне молодой радиотехник. — Может быть я не о том. Но все же спрошу: кто сейчас держит футбольное первенство Союза: москвичи или ленинградцы?

Оправдываясь, он объяснил:

— Видите ли, я ленинградский болельщик.

Я сказал и о футболе. Тут уж было недалеко до парашютисток, они в ту осень были «пвоздем сезона». Мы поговорили с парашютистках.

Не знаю как, но разговор зашел о танцах. Я, смеясь, сказал, что сейчас вся Москва танцует. В новогоднюю ночь плясали в магазинах, на стоянках такси, на улицах.

Красивый юноша в форменном кителе нахмурился:

— Мы приедем отсюда дикарями, — пробурчал он с досадой, — мы не сможем никуда выйти. Придется месяц дома учиться танцевать.

Потом наступила пауза. Совсем такая, как в беседе давно не видавшихся друзей. Казалось, не переговоришь всего, и вдруг замолчали оба. И есть еще о чем спросить, и есть еще что рассказать, а друзья все сидят молча, задумчиво хлопают друг друга по коленкам и изредка мечтательно произносят: «Так, так-то вот!» «Да, так!» Эта пауза красноречивее слов.

Я прихлебывал кофе из стакана.

— Да... Москва... Так-то... — задумчиво произносили мои собеседники.

Мне показалось, что женщины еще хотят о чем-то спросить меня. Они смущенно перешептывались между собой и хихикали.

— Ну, спрашивайте, спрашивайте.

Они совсем смутились. — «Нет, нет, это мы так».

Но одна, осмелев, все-таки спросила, глядя мне прямо в лицо:

— Скажите, товарищ, что носят сейчас женщины на Большой земле?

Что носят? Я растерялся. Я не ждал такого вопроса. Товарищи, я не был подготовлен к нему. Это, ну... не по моей специальности. Если б я знал, я захватил бы с собой журнал мод.

Я честно признался: не знаю. Мои слушательницы были явно разочарованы. Они отвернулись. А задавшая вопрос (радистка, как я узнал потом) в отчаянии спросила вновь:

— Ну вспомните. Ну, какие моды сейчас в Москве? Ну?

Мне бы очень хотелось ответить ей. Я подумал немного и сказал:

— Знаете что? Я закрою глаза и представлю себе знакомых московских девушек. И как они одеты. И я отвечу вам.

Я закрыл глаза. Я вспомнил знакомых девушек. Мне вспомнились парашютистки в синих комбинезонах и кокетливых черных беретах. Нет, не то. Я вспомнил тогда девчат в метро. Они были действительно царицами московских улиц. Как гордо шагали они по тротуару, заложив руки в карманы своих ватных штанов! В брезентовых шляпах, в теплых фуфайках, в резиновых сапогах, забрызганных грязью, бетоном, глиной. Они были настоящей московской модой 1935 года. Но это не то. Я вспомнил тогда самую красивую девушку столицы, ее пронесли через Красную площадь на огромном шаре, она была в албй майке и трусах. Но и это, кажется, не то, чего ждет от меня модница с 73 северной параллели. Я вспомнил политотдельских девчат в бараньих кожаных, подпоясанных ремнями, трактористок в огромных кожаных щегольских рукавицах, знатных колхозниц, приезжавших в Москву, шолковые платки на них хрустели, как резина; я вспоминал девушек, которых видел в театрах, в кафе, на улицах. Они одевались красиво, изящно, женственно. Но странное дело — каждая по-своему. Каждая подчеркивала то красивое, что было в ней. Но мода, чорт подери, какая мода царит у нас в Москве?!

Я открыл глаза. Я увидел зимовщиц в ватных штанах и прубых, но теплых фуфайках. Мне захотелось рассмеяться и сказать им:

— Милые модницы в ватных брюках! Я не знаю, какая в Москве мода. Я не знаю, какой длины допускаются юбки и какой конструкции шляпки. Но, честное слово, не стоит горевать: вы не отстанете от советской моды и на 73 градуса северной широты. И если даже вы появитесь в самом шикарном кафе столицы вот такими, какие вы сейчас: в меховых сапогах, расшитых бисером, в ватных штанах и оленьих малахях, — лучшие женщины Москвы с восхищением и завистью будут глядеть на вас и на ваш наряд: «Это полярницы, — будут шептать они. — Как бы мы хотели быть на их месте!»

Б. ГОРБАТОВ

Выколупыватели моторов

Спросили как-то у одного глупого мальчика:

— Скажи, голубчик, как добывается изюм?

Мальчик подумал и ответил:

— Очень просто. Изюм выколупывают из ситного хлеба.

Не будем придираться к этому ответу. Мальчик вырастет и поймет, что имеется более правильный, дешовый и доступный способ добычи изюма.

А если мальчик вырастет и не поймет? Если он останется на том же уровне умственного и политического развития, на котором находился в глубоком детстве? А если выросшего мальчика по недоразумению в минуту крайней спешки вдруг назначат руководителем изюмозаготовок?

О, тогда он разослал бы по всей стране скупщиков ситного. Ситный вагонами отправлялся бы к изюмообогащительной фабрике. По мощному конвейеру нескончаемой лентой пошли бы изюмоносные изделия.

Специально подготовленные, специально обученные рабочие ловкими движениями выковыривали бы из ситного изюм и до конца конвейера доходили бы только явно бесполезные массы обезизюмленного хлеба.

Невероятно? Конечно, невероятно. Нелепо и преступно такое обращение с ситным.

Другое дело — тракторы. Из любого трактора можно выколупать мотор, и Народный комиссариат машиностроения не обратит на это никакого внимания.

Вполне возможно, что директор одесского завода имени январского восстания Романов и главный инженер этого же завода Дейч в детстве серьезно придерживались описанной выше методы добычи изюма. Потом оба они выросли, но по причинам умственного, а может быть, и другого порядка остались на своих старых, принципиальных позициях.

Восьмистах восьмидесяти пяти километрах от Одессы, в светлых цехах Харьковского тракторного завода, стахановские бригады производят, собирают, красят и выстраивают для поправки все новые и новые отряды веселых пятидесятикильных стальных коней.

Тракторы пружат на платформы, составы отправляются, громяхая на стыках рельсов, и сердца строителей тракторов переполняются гордостью: еще один отряд стальных коней отправлен на борьбу за сталинский урожай социалистических полей.

Каждый год некоторое количество харьковских тракторов отправляется в адрес одесского завода имени январского восстания. Завод этот не имеет своих земельных угодий: он не пашет землю при помощи получаемых им тракторов. Они нужны ему и при уборке хлеба, потому что хлеб все работники завода покупают нормальным путем, в обычных хлебных магазинах.

Сотни тракторов в'езжают в гостеприимно раскрытые ворота одесского завода, чтобы немедленно прекратить свое существование. Из них выколупывают моторы и ставят их на подъемные краны, производимые этим заводом; часть других деталей директор одесского завода продает машинно-тракторным станциям, а остальное все идет в лом.

Целым бригадам рабочих платят в Одессе деньги за то, что они, помимо своего желания, вынуждены пускать на ветер только что истраченные в Харькове государственные деньги.

Их заставляют превращать в кучу железа и жести умную и нужную машину, превращать в труху результаты квалифицированного социалистического труда строителей тракторов.

В этом году завод имени январского восстания собирается выпустить четыреста пятьдесят железнодорожных кранов на моторах «ХТЗ». Это значит, что из четырех пятидесяти харьковских тракторов Романов и Дейч собираются выколупать моторы, а тракторы пустить на лом.

Что это — глупость?

Может быть. Но тогда эти поре-хозяйственники более глупы, чем это дозволено самыми снисходительными законами.

А вдруг это не только глупость? Опять-таки очень может быть.

Л. ЛАГИН

Рис. Л. Сойфертиса

Р Ы Б Ы И Ш Т У К И

— Рыба начала портиться. А расценка на нее как на свежую...

— Придется подождать новой расценки.

ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ

Редакции доставлен дневник одного товарища, который в прошлое лето 1937 года отдыхал на курорте по «курсовке». Печатаем этот дневник, дабы курортные организации сделали из этого свой вывод.

Сегодня ходил опять насчет путевки: кочу поехать на курорт.

Сказали, что путевок больше нет, но можно получить так называемую курсовку. Раньше я никогда не слышал этого слова. Спрашиваю, что это такое — курсовка?

— Очень просто, — говорят, — мы вам дадим такой документ, по которому вам обязаны будут предоставить полный курс лечения.

— А питание?

— И питание: вас прикрепят там к определенной столовой, будут кормить.

— А жить где я буду?

— И жить будете. Тамешнее курортное управление снимает у местных жителей комнаты, — конечно, по твердым ценам. Вас направят в такую комнату. Так что жить вы будете, об этом не беспокойтесь!..

— Ну, что ж, — говорю, — давайте вашу курсовку...

Дали. Послезавтра еду...

Приехал. Пишу на вокзале.

Поезд пришел в 6 часов утра, а управление, наверное, работает с 9 часов.

Сижу верхом на чемодане: камера хранения еще закрыта. Вокруг вьются какие-то темные личности, предлагают комнаты... Цены аховые: четыреста — пятьсот — шестьсот за комнату в месяц... Говорю, что не нуждаюсь в комнате, и показываю свою курсовку. Личности смеются и, по-моему, косятся на мой чемодан. Судорожно сжимаю его ногами, как робкий седок сжимает коня. Уже недолго осталось: каких-нибудь 2 часа до открытия курортного управления.

Пишу неразборчиво, так как свеча горит очень неровно и тускло. Ну и денег у меня был!..

Пока в курортном управлении добывал комнату, опоздал в столовую. Не обедал, не ужинал. Пока хлопотал об еде, опоздал к врачу.

А комната у меня не от курорта. В управлении мне дали 3 адреса. Пошел я по всем этим адресам. Это не комнаты, это хибарки... Да нет, хибарка — помещение, которое я снял сам и в котором пишу теперь. А те комнаты — даже и не

хибарки, а сараи, собачьи конуры, скворешни... Плачу за комнату 400 в месяц. Вот тебе и твердые цены!

Прекращаю писать, так как свеча срочно понадобилась жечь клопов. На глаз работы часа на два...

Сегодня с утра занял очередь к врачу, но уже в очереди передумал и переместился в очередь к столовой. Лучше сперва поесть. Лечиться успею.

Столовая большая, но посетителей еще больше. Пока ешь, около тебя стоят два человека, ожидающих, когда ты освободишь место, и обсуждают качество твоей еды. Около меня сегодня разговор шел такой:

— Суп, кажется, ничего, — говорит один из ожидающих.

Второй отвечает:

— Откуда?.. Видите: сколько он (он — это я) соли сыплет? Значит, несоленый. Это — раз. Потом, смотрите, смотрите, какие гримасы у него (это у меня) на лице!.. Ей богу, его тошнит!..

— Ну что ж... Посмотрим, как он будет есть второе. Если такие же гримасы будут, спросим себе чего-нибудь другого...

— Наивный человек!.. Почему же «другое» будет лучше?

Сегодня решил дождаться врача: в столовую торопиться особенно не стоит. Не те харчи.

Прождав часа полтора, позволил себе спросить злущую фигуру в белом халате: скоро ли меня примет врач?

Фигура поглядела мимо меня и ответила:

— Гражданин, вы же по курсовке пришли. Так о чем разговор? Можете и обождать.

Что это может означать?..

Сегодня в ванном заведении все понял!.. Нас, то есть лиц, проживающих на курорте по курсовке, считают гражданами второго сорта.

Было так: опять я ждал 2 часа, опять спросил, когда меня допустят в ванну. Местная фигура в белом халате ка-ак закричит на меня:

— У меня еще санаторные больные не все процидурились, а вы с курсовкой лезете!..

Сама она процедура чортова!..

Чувствую себя неважно. Не доверяю: в столовой не все можно есть, а доку-

пать на стороне средства не позволяют. Проклятая комната не по твердой цене все с'едает!..

Вчера поглядел на себя в зеркало, — ахнул. Осунулся, похудел. Тик появился: нос все время шевелится, будто что-нибудь нюхаю, и глаз подмигивает. Очень еще я стал темный. Точнее: грязный. Дома умываться негде, ванны лечебные — там мыться не позволяют...

Пошел заказать железнодорожный билет: думаю, обратно, домой. Но для курсовочников билеты не сразу дают. Придется обождать.

Как-то привыкаешь к своему странному положению. Сегодня, например, утром я гулял в парке. Увидел беседку, пошел к беседке и спросил выходящих оттуда людей:

— Я извиняюсь, что в эту беседку курсовникам — можно?

Сказали: можно.

Господи, когда я отсюда уеду?

Наверное, я очень обносился. И очень перепачкался. Потому что сегодня, когда я сидел, сторбившись, в парке на скамье, я услышал такой разговор:

— Смотри, Володя: беспризорник сидит... А я думала, что их уже больше нет — беспризорников...

— Да... странно... Мальчик, как тебя зовут?

Я обернулся. Спрашивали явно меня. Я сказал:

— Меня зовут Сергей Николаевич.

— Вот как важно. Сколько же тебе лет, мальчик?

— 38. А что?

— Как — 38?! Простите, бога ради, мы думали, что вы... что вы беспризорный...

— Я и есть вроде беспризорного, — сказал я и заплакал.

Уезжаю домой. Вот радость!..

Дневник доставил
В. АРДОВ

Р. S. Ну не доставил, а сочинил. Все равно, похоже на правду.

В. А.

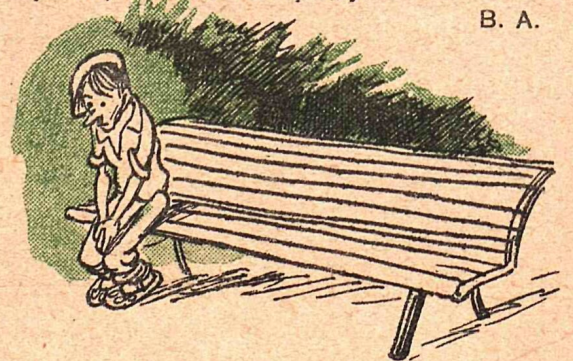

Рис. М. Черемных

„А К Т И В И С Т“

- Мне эти иконы Иван Игнатьевич подарил.
- Что это он?
- Да ему теперь они ненужны: он записался в Союз безбожников.

У директоров опускались руки

Папанинцы только приближались к Ленинграду. «Ермак» еще не прошел Шепелевский маяк, когда директора московских клубов лихорадочно забеспокоились. Уже давно, еще когда пес Веселый, встревоженный прожекторами приближающихся ледоколов, поднял неимоверный лай на дрейфующей льдине, директора поспешно заготавливали план действий. Все планы сводились к тому, как бы по приезду отважной четверки в Москву завлечь их к себе в клуб на вечер. По ночам директора с администраторами запирались в кабинете и разговаривали исключительно шепотом. Тайна — прежде всего. Не дай бог, узнает соседний клуб.

Появились молодые люди, а также пожилые, которые охотно предлагали свои услуги по устройству встречи с папанинцами. Они называли героев Северного полюса фамильярно, похлопывая их по плечу, — Ваня, Петя, Женя, Теодорыч.

— Мы с Теодорычем — закадычные друзья... Я еще в 29-м познакомился с ним в эфире. С тех пор — дружба и любовь. Теодорыч всегда мне посылает 88, что означает на языке всех радистов мира: целую, обнимаю...

— За Женю я ручаюсь... Женю я вам доставлю. А если Женечка пойдет, за ним все потянутся. Ведь Папанин без него жить не может! А раз Папанин пойдет, то пойдут и Кренкель, и Ширшов, а вслед за ними и пес Веселый. Это не такой пес, чтоб их покидать...

Больше всего оказалось знакомых у Ивана Дмитриевича Папанина. Они все

клялись, что вместе с ним они громили в Крыму Врангеля, вместе с ним зимовали не раз в Арктике:

— Ведь мы с ним не один пуд соли съели. Он меня знает, как облупленного. Когда мы с Ванечкой зимовали на Диксоне...

— Позвольте, — говорил строго директор. Насколько мне помнится из биографии тов. Папанина, он зимовал не на Диксоне, а на Челюскине, на Земле Франца-Иосифа.

— Какая разница?... Та же Арктика, те же штормяги, — неуверенно, но быстро возражали директору.

«Друзья» папанинцев не внушали доверия. Вскоре маневр их был вскрыт: люди просто хотели проникнуть в делегацию. А то, что каждый клуб пошлет к героям делегацию, в этом не было никаких сомнений. Делегация — это обязательно. Но вот кого включить в эту делегацию? Вот что занимало умы. Надо послать таких людей, чтоб папанинцам неудобно было отказать. Конечно, — ударников производства, конечно, — отличников учебы, но этого мало.

Один наш знакомый директор клуба составил делегацию из одних слесарей. К тому же это все были ударники, севастопольцы, земляки Папанина. И всех звали Иванами. Директор свой план хранил в страшном секрете. Через несколько дней он в ужасе узнал, что соседний клуб готовит такую же делегацию, но в удвоенном размере.

— Мыг погибли, — говорил он в отчаянии администратору. — У нас украли идею... Мы погибли...

Родственники папанинцев были нарахват. Выискивали самых дальних родственничков, чтоб включить их в делегацию. Собственно говоря, выискивать их особенно не приходилось: они сами давали о себе знать. Среди них оказалось немало самозванцев. Каждый носящий фамилию Федоров (а таких в Москве, как известно, немало) доказывал и клялся, что он точно не знает кем, но кем-то, безусловно, приходится Евгению Константиновичу.

Делегации делились на малые и большие. Каждая большая имела и малую. Большая делегация составлялась из взрослых, а малая — из школьников.

Помимо отбора делегаций усиленно заготавливались кулинарные и кондитерские изделия... Торт — станция «Северный полюс»; торт — дрейфующая льдина, торт — нарты, торт — палатка, торт — радиорубка... Все было. Но все это казалось мизерным, недостаточным. Хотелось, чтобы все выглядело более фантастическим. Хотелось что-нибудь выдумать такое, чтобы поразить папанинцев.

Но чем, чем можно поразить этих бестрашных людей, которые пили чай на Северном полюсе, пели песни, когда их окутывала железная тьма и когда дьявольский ветер с воем и свистом набрасывался на них и хотел сбросить со льдины, они продолжали, как ни в чем не бывало, свои научные наблюдения.

У директоров московских клубов опускались руки.

Б. ЛЕВИН

Короткие рассказы

П О Р Я Д О К

— Безобразие с этими архивами, — возмущался некто Небосклонов, идя по улице со своим приятелем. — Запросил пустишную справку, всего десятилетней давности, — и ни слуху, ни духу. Хоть жди еще десять лет. Поехал сам. Помпея, а не архив! Пыль, крысы! Ничего не нашел!

— Ну, у нас в учреждении порядок с архивами, — возразил приятель Небосклонова. — Полный порядок.

— Ни пыли?

— Что ты? Специальный санитарный врач следит за чистотой в помещении архива.

— Не может быть! — воскликнул Небосклонов.

— Может!

— А крысы? Архивные крысы?

— Ни одной. И на крыс есть управа.

— Я тебе не верю.

— Поверишь. Вот зайдем в наш архив. Вот он.

— Это же кооператив! — удивился Небосклонов.

— Ну и что?

В кооперативе было очень чисто, на окне сидел опромынный кот. Приятель Небосклонова попросил у продавца мыло, зубной порошок. Продавец завернул товар в давно исписанные листы. На одном из них Небосклонов уловил слова: «...ийного собрания. 1928 год...»

— Да, действительно, — пробормотал Небосклонов.

А приятель прибавил:

— И заметь: ни крысинки, ни пылинки. Полный порядок!

Р А З М А Х

Председатель горсовета, вернувшись после отпуска, почувствовал необычайный прилив энергии.

— Размаху у нас здесь совсем не чувствуется! — говорил он на совещании. — Ты посмотри в Москве что делается! Батюшки мои! Дома целые передвигают!

— Хорошо бы у нас баню передвинуть поближе к центральной улице, — сказал кто-то, — где все-таки фонари есть. А то осенью по темноте да грязи...

— Ну, баню нашу трогать нельзя, — возразили другие, — ее тронь, она рассыплется.

— Пусть не баня! — воскликнул председатель. — Но чтоб размах все-таки чувствовался! В кино у нас картины бывают? Бывают. И все это без размаха. Сообщил в газету, что для граждан устраивается кинофестиваль.

— Чего это? — не понял завкино.

— Кинофестиваль! Снова все картины на просмотр пустишь. Это и будет кинофестиваль!

Через час он звонил в пошивочную артель:

— Подоконникова дай сюда. Да, да, председатель. Подоконников! Ты мне город не гадь! Что у тебя там на вывеске написано? «Пошивочная мастерская». Удивил! Размаху не вижу! Замени новой. «Ателье мод»... Ателье! Ателье!.. Ну приезжай, лично передам!

И теперь в городе можно слышать:

— Иду я вчера с кинофестиваля и как раз напротив этого «Ателье мод» как засел в грязь — ну ни взад, ни вперед!..

В. ТОБОЛЯКОВ

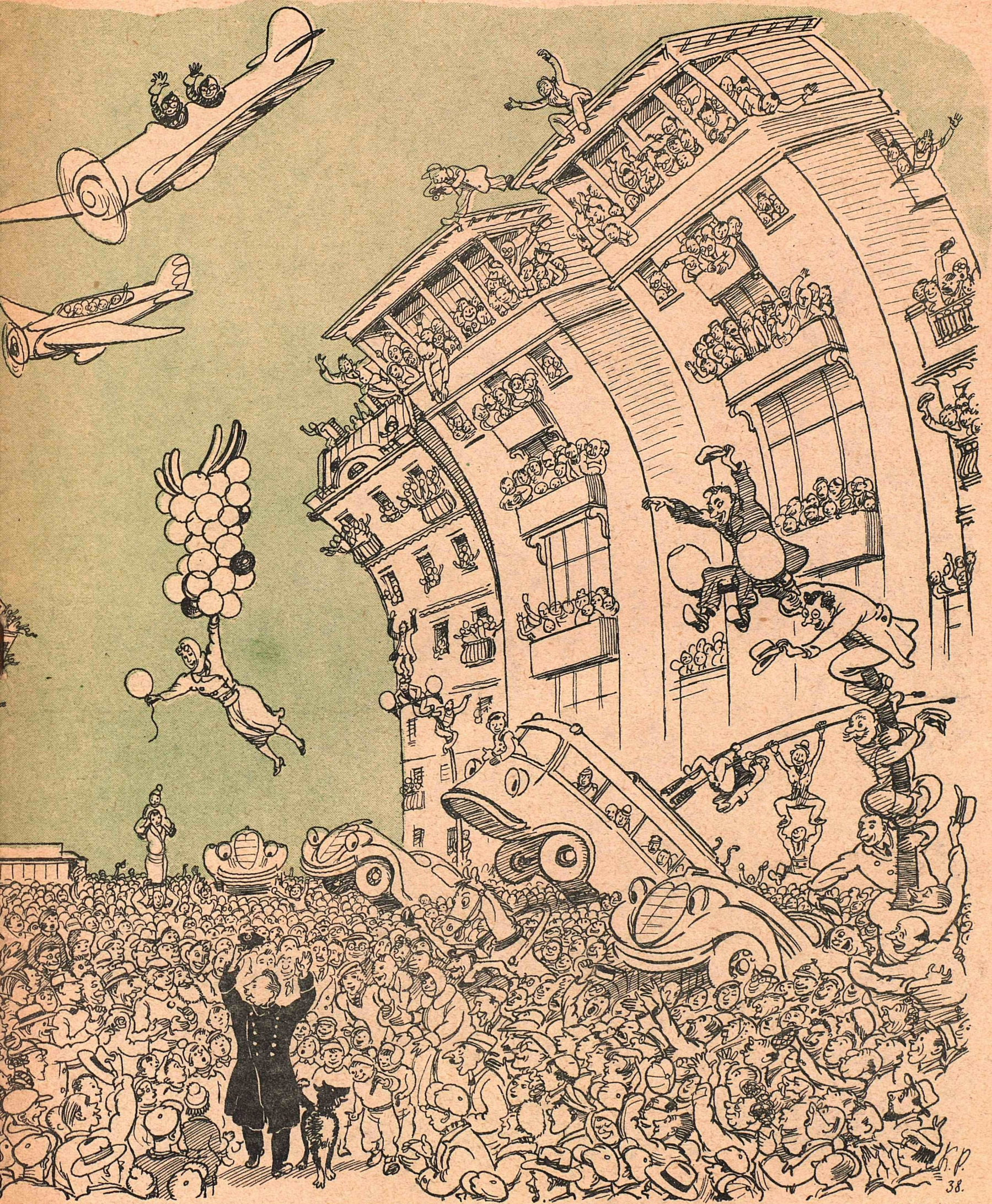
Рис. Л. Бродаты

ВЕНСКОЕ ЖИТЬЕ-БИТЬЕ

— В конце концов, какая разница? Если бы мы их сейчас не пристрелили, они бы завтра сами покончили с собой...

ИВАН ДМИТРИЕВИЧ ПАПАНИН

И ВЫШЕЛ КУПИТЬ ПАПИРОСЫ

Рис. А. Каневского

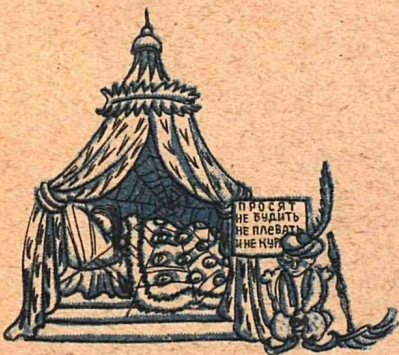
ИНСПЕКТОР ИЗ ОБЛАСТИ

— Как вам, ей богу, не совестно! Колхоз ваш—давно миллионер, а до сих пор не удосужились прилично одеть пугало!..

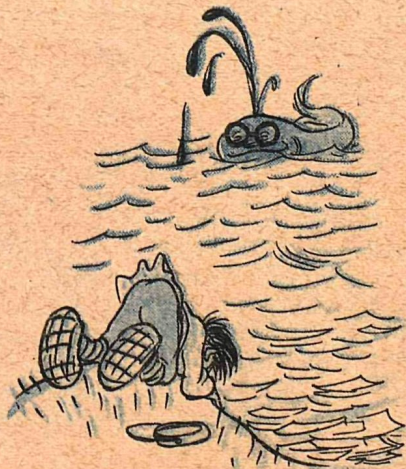
СКАЗКА О СОВЕТСКОМ БАЛЕТЕ И СПЯЩЕЙ ЦАРЕВНЕ

В стороне далекой встарь
Жил когда-то дряхлый царь.
Был дворец высок и строен
В центре города построен,
И колонн красивых ряд
Украшал его фасад.
(Мы запомнить очень просим,
Что колонн тех было восемь
И стоял поверх колонн
В колеснице Аполлон.)
А кругом — цветов узоры,
«Лебединые озера»,
Райских гурий хоровод,
«Эсмеральда», «Дон Кихот»,
Там и «рыбка золотая»,
и «Раймонда» молодая.
(Молодился каждый раз —
Деве лет под пятьдесят.)
Во дворце, закрывши очи,
Спит царевна дни и ночи.

Надпись: «Просят не будить,
Не плевать и не курить».
Царь однажды разболелся:
Он «народных щей» об'елся
И, печально кончив пир,
Отошел в загробный мир.
Оживилась вся столица,
Всюду радостные лица,
Песни новые звучат:
Царской власти шах и мат.
Но в дворце живут, как жили:
Дочь царя под слоем пыли
Спит спокойно крепким сном,
Пауки висят кругом...
На работу все неспоры:
Раз в полгода режиссеры,
По традиции, вздохнут
И с царевны пыль стряхнут.
Недовольство и волнение
Охватило население.
Сговорившись меж собой,
Все пришли к дворцу толпой
И потребовали гневно
Разбудить тотчас царевну.

Вспокоился весь дворец.
Мигом послан был гонец
За знахаркою-старухой,
Глуховатой на два уха.
Бабка дряхлая, с клюкой,
Применила способ свой:
«Красный мак» в саду сорвала,
Над царевной помахала...
Мак — не средство против сна,
Только крепче спит она.
Убедились быстро массы:
Бабка даром точит ляды.
Порешил народ: «Коль так,
Выручай, Иван-дурак!»
(Ваня, в силу злых традиций,
Дураком прослыл в столице,
А на деле был умней
Очень многих из людей.)
Есть возможность отличиться —
Тут грешно не потрудиться.
Наш Иван, не будь дурак,
Все обдумав так и сяк,
Увязав и то и это,
Дал статейку в стенгазету.
Подал мысль такую он:
«Чтоб прервать волшебный сон,
За работу взявшись дружно,
Дать балет советский нужно.
Говорят, в морских волнах
Он стоит на трех китах,
Но столкнемся с грустным фактом:
Нет у тех китов контакта.
Им, к несчастью, привелось
В море плавать только врозь.
Если этим трем громадам
Предложить работать рядом, —
Мы увидим все балет,
А царевна — белый свет».
Привлекла статья вниманье —
Люд созвали на собранье
И решили: к трем китам
Пусть советчик едет сам.

У Ивана — волос дыбом:
«Не пойду я к этим рыбам».
Но твердили все вокруг:
«Будь сознателен, мой друг,
Полно жить по-древнерусски
Без общественной нагрузки».
Оседлал Иван конька,
Иноходца-горбунка,
Поартачился немного
И пустился в путь-дорогу.
Едет Ваня сам не рад:
На дороге тьма преград:
Груды старых декораций,
Кости древних нимф и граций.
Конь летел, глотая пыль,
Через этот весь утиль.
Первый кит был в море близко...
Поклонился Ваня низко:

«Ты писателей союз
(Как гласит китовый ус),
Дай хорошее либретто
Для советского балета!»
Кит ответил Ване так:
«Не могу сейчас никак.
Есть работа интересней:
Нам на массовые песни,
Как гласит о том молва,
Надо рыбки дать слова!»
Отошел Иван со вздохом,
Вывод ясен — дело плохо.
Кит второй поодаль плыл...
Наш герой, набравшись сил,
Просит музыку к балету...
Композитор-кит на это
Отвечает: «Я в тисках,
Диспут у меня в кишках,
Мнений много, прений масса,
Тема: рыба или мясо».
Говорит ему Иван:
«Ты срываешь мне весь план,
Выполняю и заданье...»
Кит на это ноль вниманья.
Неудачен был визит,

Но в запасе третий кит.
Ваня молит со слезами:
«Сжался ты хотя б над нами,
Дай советский нам балет.
Балетмейстер ты иль нет?»

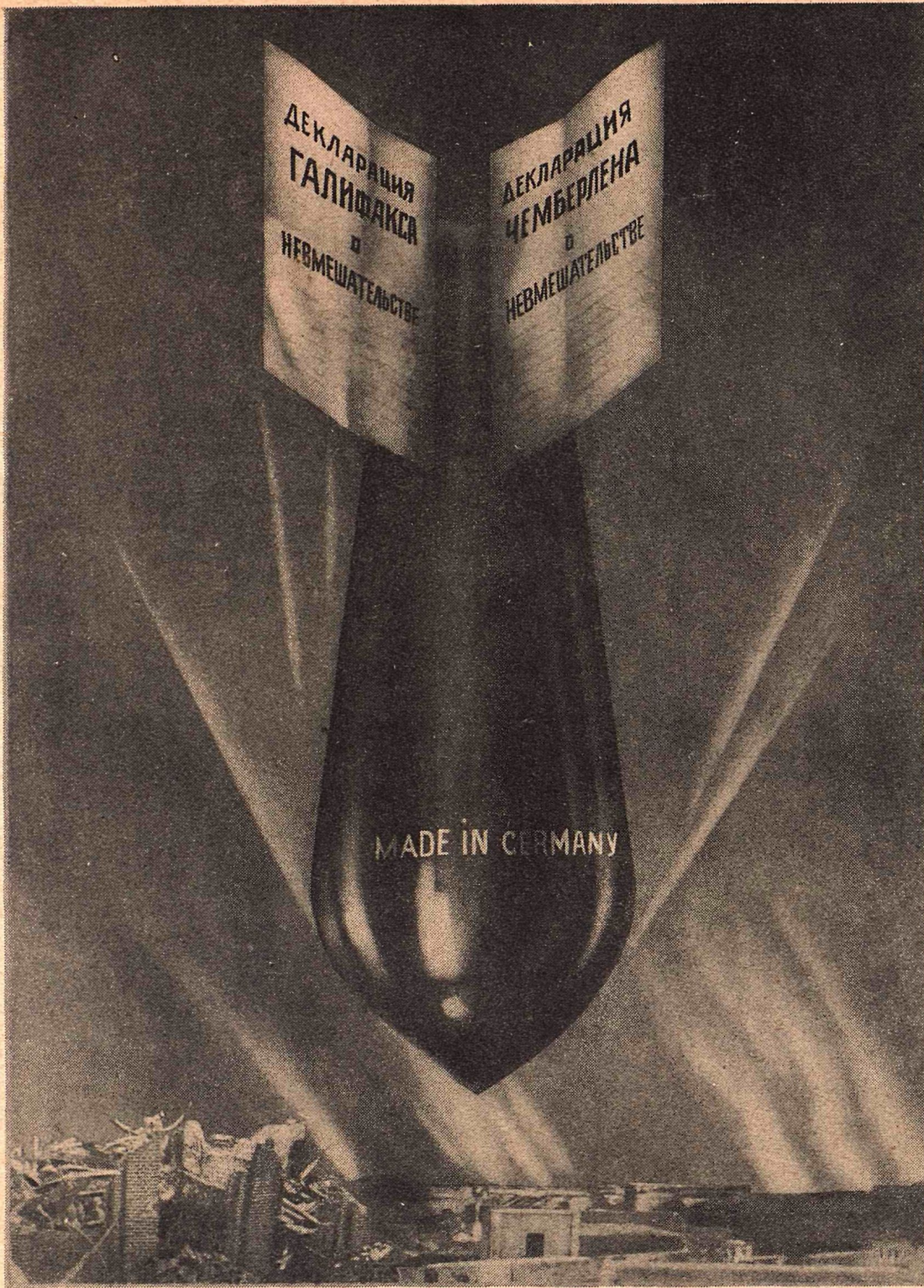

Кит ответил: «Для балета
Есть у классиков сюжеты.
Любят Пушкина везде:
Что на суше, что в воде.
И «Фонтан Бахчисарая»
Из ноздрей пустил играя.
Согласился с ним Иван:
«Спору нет, хорош «Фонтан»,
Но классические темы
Не решают нам проблемы».
Кит промолвил: «Я не прочь
В этом деле вам помочь,
Но к советскому балету
Дай мне музыку с либретто».
Ваня горько зарыдал:
«Даром время я терял:
На колу висит мочало,
Начинай опять, с начала».
Трех китов в душе кляня,
Он садится на коня.

Обсуждение доклада
Продолжалось три декады,
И решили дело так:
«Раз не смог Иван-дурак
Привезти балет царевне,
Пусть отныне ежедневно
Сам танцует перед ней
Вместе с лошадью своей.
Трех китам же всем собраньем
Мы об'явим порицанье.
Ваня деток веселит,
А царевна спит да спит.
Вы прочли — решите сами
Как же дальше быть с китами?»

Жизнь — малина трем китам,
А балет и ныне там.

ИРИНА ПЕТРОВА

Фотомонтаж Б. Клинка

Над Барселоной.

Неудачный кадр

— Теперь можно начинать,— сказал Столкинд и с удовлетворением окинул взглядом комнату.

Вокруг стола тесно стояли стулья. На кумачовой скатерти веером лежали разноцветные ручки. Аккуратно раскрытые тетрадки радовали глаз. Косо посаженный вместо абажура бумажный колпак придавал лампе кокетливый и залихватский вид. Сноп света падал как раз на середину стола, к чернильницам и трем преспапье.

— Можно начинать,— повторил Столкинд и, отойдя к своему треножнику, добавил: — Это будет кадр! Вы можете пригласить людей, товарищ Чашкин! — крикнул он в соседнюю комнату.

Чашкин показался на пороге.

— Это зачем? — спросил он, неодобрительно покосившись в сторону приготовленных фоторепортером декораций.

— Как зачем? Фон. Обстановка для кружка.

— Ага... — улыбнулся Чашкин и, обер-

нувшись к двери, позвал: — Антонина Панкратьевна!..

Вошла уборщица, только что помогавшая фотографу расставлять стулья.

— Садитесь. Будете сниматься.

Антонина Панкратьевна села у стола, взяла в руку перо и сделала отсутствующее лицо.

— Ну? — спросил фоторепортер.

— Что — ну? — осведомился Чашкин.

— Где кружок?

— Вот.

— Кто?

— Да кружок же!..

Столкинд недоверчиво посмотрел в сторону стола. Там попрежнему неподвижно сидела в полнейшем одиночестве Антонина Панкратьевна.

— Больше нет?

— Нет.— Чашкин развел руками.— Последнюю доучиваем...

И репортер вместо предполагаемой мощной массовой сцены сделал выразительный портрет последней малограмотной работницы завода. Заодно он запечатлел руководящий профиль товарища Чашкина.

Простившись и отметив у Чашкина пропуск, Столкинд направился к выходу. Он весело посвистывал.

«Шагает, — думал он, — шагает культура! Интересно, кто еще принесет в редакцию такой замечательный снимок?»

Во дворе кто-то окликнул фотографа:

— Товарищ, где здесь завком?

Обернувшись, Столкинд увидел работницу, стоящую как раз против двери, над которой красовалась вывеска «Заводской комитет».

— Вот, написано, — указал он на плакат, — не видите разве?

— Видеть-то вижу, только не разберу, что тут есть. Неграмотная я.

— Неграмотная? А как же?..

Но работница уже вошла в подъезд.

«Эх, товарищ Чашкин, товарищ Чашкин», — подумал Столкинд и побрел к проходной будке. Он вынул пропуск и, посмотрев на него, обомлел. На обороте детскими каракулями было выведено:

Директивительна
прислуживаеми сив
ки малагра
тних
кубсек тар
завкома
Чашкин

Фоторепортер грубо захлопнул калитку и почему-то не поехал в редакцию.

А. РАСКИН, М. СЛОБОДСКОЙ

Рис. Бор. Ефимова

— Вы, кажется, воображаете, что это—ваше наступление!. Слишком большая самонадеянность для иностранного офицера на германской службе!

Рис. Л. Генча

В ЛАБОРАТОРИИ

— Дайте уж я уберу хоть немного... Ведь в этой грязи у вас ни один микроб не выживет!

Совершенно справедливо

Бульвар. Два человека сидят на скамейке и ведут между собой оживленный разговор. Один из них высокий, широкоплечий, с густой шевелюрой. Другой — мелкорослый, тщедушный, лысый.

Шевелюра. Утро сегодня замечательное.

Лысина. Совершенно справедливо. Замечательное!

Шевелюра. Дождя, как будто, не предвидится.

Лысина. Совершенно справедливо. Не предвидится.

Шевелюра. Хотя, знаете ли... Вон какое-то подозрительное облачко. Думаю, что к вечеру дождик нагрянет.

Лысина (тщательно обзревая небо). Совершенно справедливо. Нагрянет!

Шевелюра. Смотрите-ка, смотрите. На акацию прилетел чиж.

Лысина (с восторгом). Совершенно справедливо. Чиж!

Шевелюра. Вот так штука! Ошибся. Какой же это, с позволения сказать, чиж? Просто воробей.

Лысина (с энтузиазмом). Совершенно справедливо. Воробей!

Шевелюра. Акация того-с... Постарела. Запущен наш бульвар. Ох, как запущен. Осмелюсь вам доложить, что наш городской совет работает из рук вон плохо.

Лысина. Совершенно справедливо. Плохо!

Шевелюра. Знаете ли... Я уважаю вас. И очень считаю с вашим мнением. Вы, как я вижу, человек мыслящий. Но в данном случае не могу с вами целиком и полностью согласиться. У нашего горсовета имеются достижения. И не маленькие достижения, а большие.

Лысина. Совершенно справедливо. Большие!

Шевелюра. Вы утверждаете, что большие? Не надо, мой друг, преувеличивать. Наряду с успехами — недостатков уйма.

Лысина. Совершенно справедливо. Уйма!

Шевелюра. Взять хотя бы телефон...

Лысина. Совершенно справедливо. Телефон!

Шевелюра. Какой телефон? Причем тут телефон? Извините, пожалуйста, я оговорился. Даже странно: почему вдруг телефон? Я хотел сказать скотобойня. Скверно, очень скверно...

Лысина. Совершенно справедливо. Очень скверно!

Шевелюра. Вполне согласен с вами. Очень скверно было со скотобойней в прошлом году. А теперь дело как будто двинулось.

Лысина. Совершенно справедливо. Двинулось!

Шевелюра. Но настоящие первоклассные скотобойни — это, доложу я вам, в Чикаго. Ах, какие там скотобойни. Мечта! Нам до Америки в этом отношении далеко.

Лысина. Совершенно справедливо. Далеко!

Шевелюра. Но в то же время...

Лысина. Совершенно справедливо!

Шевелюра. Что? Что именно справедливо?

Лысина (робко). Так, вообще. Я в рассуждении Америки.

Шевелюра. Так вот дайте досказать. Перебивать не следует.

Лысина (извиняющимся тоном). Совершенно справедливо. Не следует.

Шевелюра. Так вот насчет Америки, а заодно и насчет Европы. В смысле передовой техники они, конечно...

Лысина. Совершенно справедливо, конечно!

Шевелюра. Но и мы не отстаем, а очень усиленно догоняем.

Лысина. Совершенно справедливо. Догоняем!

Шевелюра. Европу не переогонять...

Лысина (таинственно). Совершенно справедливо. Не переогонять!

Шевелюра. Да! Так шептали оппортунисты всех мастей. А мы им на деле доказали, что догоняем и переогоняем.

Лысина (испуганно). Совершенно справедливо. Перегоняем!

Шевелюра. Вот, черт бы его побрал. Опять зуб разболелся!

Лысина. Совершенно справедливо. Разболелся.

Шевелюра. Собственно говоря, не зуб у меня болит, а душа.

Лысина. Совершенно справедливо. Душа.

Шевелюра. И болит у меня душа от того, что вот передо мной такой ничтожный, такой гнилой человек.

Лысина (машинально). Совершенно стра... (Опомнившись) Ну, мне пора! (Поспешно уходит.)

Г. РЫКЛИН

ВЕСЬМА СРОЧНО!

Руководители Новороссийского цементного завода «Октябрь» напечатали в типографии издательства «Пролетарий Черноморья» 1000 (тысячу) трафаретных писем нижеследующего содержания:

ИКТП — СССР
Союзцемент
 2-й
 Госцементзавод
 «ОКТАБРЬ»
 № 425
 г. Новороссийск АЧК,
 Суземское шоссе,
 3-й километр,
 Телефон — 2-62

Весьма срочно

А. И. Мухоморов
 А. И. Мухоморов

2-й Госцементзавод «Октябрь» просит Вас в самом срочном порядке сообщить нам на обороте сего причину увольнения, а также деловую и политическую характеристику и все компрометирующие материалы на ранее работавшего у Вас гр. А. И. Мухоморова
 1894 года рождения с 1927
 по 1928 в должности _____

Зав. личным столом

г. Новорос. тш. изд. «Прол. Черн.» 773 г. 1000 № 37 Уполномоченный

Хитрые люди придумали эти трафаретки. Хитрые и гнилые. В самом деле, зачем им заниматься добросовестным изучением принимаемого на завод работника, когда куда легче и проще запросить весьма срочно «все компрометирующие материалы».

Пусть все узнают, на какую широкую канцелярскую ногу поставлено на цемзаводе «Октябрь» дело перестраховки.

И в первую очередь весьма срочно об этом узнают новороссийский городской комитет партии и горпрокурор.

Обтекаемый красавец

Встречать героев-папанинцев все москвичи вышли по-праздничному принаряженные, во всяком случае причесанные и опрятные. Исключение составил сотрудник «Известий» И. Экслер, который даже ради торжественного случая не позаботился о чистоте такого важного и особенно для журналиста человеческого органа, как язык.

В отчете о встрече папанинцев Экслер пишет:

«Стальной обтекаемый красавец вел машинист-орденоносец тов. Н. Ошац».

Не «обтекаемый красавец вел», а «обтекаемого красавца вел». Хотя и от этого фразы лучше не станет. Нельзя ли просто сказать: паровоз? Нельзя ли вообще писать нормальным языком, красавец?

Купревич и бочки

Для рабочих, живущих на линии 17-й дистанции, Рязано-Уральской железной дороги, вода подвозится в бочках. А бочки производятся в столярных мастерских под просвещенным руководством техника Купревича. Но вот бочка уже готова. А как проверить: добротна ли она, не протекает ли? Очень просто. Купревич берет двух собак и помещает их внутри бочки. Затем он заколачивает ее и катает по двору. Собаки в бочке грызутся, вонют, дерутся, пока не выпшибают, наконец, начисто дощечку, закрывающую им выход на волю. Если бочка выдержала это испытание собаками, Купревич считает ее принятой, и в ней везут тогда воду для рабочих.

Единственный человек, которому, кроме Купревича, нравится эта издательская система опробования бочек, — это начальник 17-й дистанции пути Нефедов, который, кстати говоря, воду льет не из этих бочек.

Купревич, Купревич, кто тебя выдумал!

Трафареткой по поэту

Вот какой ответ получил один молодой поэт, пославший свои стихи в редакцию ростовской на Дону газеты «Молот»:

№ В-№ При ответе обязательно сослаться на имя №

Тов.

Ваши стихи не могут быть использованы, так как они недостаточно высокого художественного качества.

Зав. отделом литературы и искусства Г. Ив.

Как видим, ответственное дело литературной консультации сведено в газете «Молот» до элементарной рассылки заранее заготовленных трафареток, в которых даже не считают нужным поставить фамилию адресата. Нам кажется, что такие консультанты «не могут быть использованы, так как они недостаточно высокого художественного качества».

В дальнейшем, в целях экономии, ведущий отделом литературы газеты «Молот» тов. Кац может прямо сослаться на

наш номер журнала. Это освободит его и от трудов по подписыванию трафареток.

Курские проказники

Комсомолец Макурин получил из курского областного комитета комсомола следующее сообщение:

«Тов. Макурину А. М.

Комиссия по приему и исключению из комсомола обкома ВЛКСМ сообщает, что ваше дело рассмотрено на комиссии и утверждено обкомом ВЛКСМ от 3/III—38 года. Решение принято следующее: в комсомоле исключив, объявить выговор.

Пред. комиссии по приему и исключению из комсомола (подпись, к сожалению, неразборчива).

Горя желанием помочь докладчикам по итогам последнего пленума ЦК ВЛКСМ, помещаем эту выписку на страницах журнала. Пусть все знают, как не нужно относиться к приему и исключению из комсомола. Выдумают же люди формулировку!

Что есть загс?

Президиум Белохолуницкого райисполкома, Кировской области, «придавая огромное политическое и хозяйственное значение делу развития социалистического животноводства и полного сохранения молодняка», вынес специальное постановление, в котором пунктом четвертым значится следующее:

«Учитывая опыт и инициативу прошлых лет борьбы за сохранение молодняка через организацию учета загсом рождения молодняка при сельсоветах, президиум райисполкома предлагает сельсоветам использовать этот опыт, организовав учет молодняка через загсы при сельсоветах».

Учет авторов этого пункта следует, очевидно, производить при дровяных складах.

Дорогой Крокодил!

(П И С Ь М А Ч И Т А Т Е Л Е Й)

Дорогой Крокодил!

У меня большая неприятность. Какая неприятность? А такая, что я живу в одной квартире с председателем нашего райисполкома товарищем Балышевым. Я бы только радовался такому почетному соседству, если бы рядом с моей комнатой жил сам Балышев или члены его семьи, но на мою беду предрика поместил в соседней комнате овцу с ягненок и немалое количество кур. Опять-таки и с этим можно было примириться, если бы не исклнительная звуко- и вонепроницаемость стен в нашей квартире. В результате мы задыхаемся от вони и нас круглые сутки оглушают блянные овец и куриное ку-даханье.

Конечно, можно было бы

обратиться к санитарному инспектору. Но санинспекция, к которой я неоднократно обращался, боится портить свои отношения с Балышевым и его овцами.

Дорогой Крокодил, если ты не боишься испортить свои отношения с нашим председателем РИК, помести, пожалуйста, это письмо на твоих страницах.

Инструктор райкома ВКП(б)
П. АЛЕКСЕЕВ
С. Полна, Полновского района, Ленинградской области.

Уважаемый Крокодил!
Статистический отдел Наркомхоза РСФСР разослал автогужевым трестам краев и областей форму учета № 8, согласованную с Центральным управлением народнохозяйственного учета РСФСР. На

втором листе этой формы, между прочим, имеются следующие графы:

Число аварий

По городу		По тракту	
План.	Фактич.	План.	Фактич.

У сотрудников Калининского автогужтреста возникли следующие вопросы:

1) Почему упущена графа: «количество изувеченных людей по плану и фактически» и 2) «количество сочинителей нелепых сводок в статотделе Наркомхоза РСФСР и в ЦУНХУ РСФСР по плану и фактически».

Группа сотрудников Калининского автогужтреста:

А. МИЛОСЛАВСКИЙ,
С. ГОВОРКО,
А. АРОНОВ

Дорогой Крокодил!

Курьеру газеты «Красное знамя» (Отраденский район, Краснодарский край) Клавдии Шикиной понадобились калоши. Свято выполняя пункты колдоговора, редактор газеты тов. Кулишенко распорядился немедленно снабдить калошами означенную Клавдию Шикину. В то же самое время, по роковому стечению обстоятельств, калоши понадобились также и жене Кулишенко. Как быть? Предпочитая мелкие служебные неприятности крупным семейным скандалам, Кулишенко отобрал калоши у тов. Шикиной и презентовал их своей жене. О чем и спешу тебе, дорогой Крокодил, доложить.

И. КАМАЕВ

Станция Отрадная, Краснодарского края.

Рис. Ю. Ганфа

НА ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ГРАНИЦЕ

- Зачем здесь столько войска?
- На случай провокации.
- А если провокации не будет?
- Как же не будет, раз здесь столько войска!